

Цзин Хуайюй успел добраться до Лояна в самый последний момент — он миновал северные ворота Юншэнмэнь прямо перед тем, как городские затворы окончательно заперли на ночь.

С тех пор как войско Чжао-вана, Ян Си, подступило к землям Цзиньнани, в столице ввели строжайший комендантский час. Даже днём на заставах обыскивали каждого встречного: ввозить в город оружие запрещалось наотрез. Исключения не делали никому, будь ты хоть трижды сановник. Цзин Хуайюй и его спутников бесцеремонно ощупали с ног до головы, а у сопровождавших его вооружённых стражников и вовсе отобрали клинки. Едва их немногочисленный отряд миновал заставу, тяжелые створы ворот со скрежетом сошлись за спиной.

Оглянувшись на закрывшиеся ворота, Цзин Хуайюй смахнул со лба холодную испарину и едва слышно выдохнул:

— Пронесло...

Отправив слуг в поместье с приказом не высовывать носа на улицу, он в одиночку поспешил к императорскому дворцу. Пройдя уже не один квартал, помощник министра всё ещё чувствовал спиной чужой пристальный взгляд. Тот липкий, неотвязный взор обжигал лопатки, словно ядовитый гнус. В нём не было и капли того радушия и доверия, что его спутник выказывал напоказ, — лишь холодная слежка. От этого безмолвного конвоя по телу пробежал неприятный озноб.

Оказавшись в императорском кабинете, Юйшуфане, Цзин Хуайюй совершил положенный ритуал приветствия и склонился перед Ян Тао в глубоком поклоне.

— У вашего покорного слуги есть важные вести, которые требуют личного доклада вашему величеству, — произнёс он, осторожно оглядевшись по сторонам.

Новый император мгновенно уловил этот жест и повернулся к свите:

— Вы славно потрудились сегодня. Ступайте, отдохните. Мы желаем побеседовать с помощником министра Цзином наедине.

Присутствующие согласно закивали и один за другим покинули кабинет.

Когда за ними закрылась дверь, Ян Тао мягко улыбнулся:

— Присаживайся. Нам всегда было приятно слушать твои речи. Сейчас, когда империю раздирают смута и внешние угрозы, твоё отсутствие ранило Нас особенно глубоко. Все эти дни Мы не находили себе места от тревоги... Рассказывай, какова обстановка за пределами дворца?

— На улицах пока спокойно, — почтительно отозвался Цзин Хуайюй. — Хоть мятежники и

стоят у порога, паники среди горожан не видно. Однако по пути сюда ваш покорный слуга заметил странное: столичные дети повсюду распевают новую песенку. Желает ли ваше величество выслушать её слова?

— Детскую песенку? — Ян Тао приподнял бровь. — Что ж, напеть её ты вряд ли сможешь, но стихи зачитай. Нам любопытно.

— Тогда простите дерзость вашего слуги, — склонил голову Цзин Хуайюй. — Слова эти, должно быть, сочинил какой-то неотёсанный мужлан, они грубы и просты, так что не судите строго... «У дракона сыновей больше полудюжины, да не схожи они ликом. С неба льёт слепая гроза — где же истинный владыка? Один дракон по воде уплывёт на восток, другой взмлет ввысь, свободен и одинок».

Ян Тао нахмурился, вслушиваясь в ритм стихов, а затем пренебрежительно фыркнул:

— Глупости какие-то, бессмыслица. Впрочем, для ребяческой забавы сойдёт.

— Ваш слуга и сам мало что понял, — поспешно поддакнул Цзин Хуайюй, пряча глаза. — Просто повторил то, что услышал на улицах. Прошу ваше величество не принимать эти бредни близко к сердцу.

— Оставим глупости, — посерьёзнел император. — Перейдём к делу. Как вышло, что мятежники так стремительно форсировали Хуанхэ? Почему генерал Вэй отступает шаг за шагом? Неужели наша Центральная императорская гвардия превратилась в сборище трусов и калек?

Цзин Хуайюй попытался прочесть мысли правителя по лицу, но оно оставалось маской. Осторожно подбирая слова, он заговорил:

— Ваше величество, во всём случившемся кроется какая-то чертовщина. Мятежные войска переправились через реку с пугающей быстротой, и тому есть причина. В тот день, когда наши силы потеряли уезд Хэнэй, мы с генералом Вэем отступили к южному берегу. По слухам, Чжаован и генерал Бэйчэн незадолго до этого потерпели сокрушительное поражение от левого заместителя судьи Верховного суда Лин Шу у Нюцзябао. Тогда преследование отступающих к Хуанхэ возглавил Хуайнань-хоу. Ваше величество знает, что Ян Е всегда слыл невеждой и пустышкой, которого не стоило принимать в расчёт. Но после нашего поражения нам пришлось держать ухо востро и с ним.

Ян Тао нетерпеливым жестом прервал его:

— Полно тебе твердить о его глупости. Вы просто недооценили врага.

— Ваше величество зрит в самый корень, ваш слуга проявил непростительное легкомыслие, —

покаянно склонился Цзин Хуайюй. — Но слушайте, что произошло дальше. В тот день, едва речные флотилии сошлись для боя, небо над нами внезапно раскололось. Налетел ураган, нагнало иссиня-чёрные тучи, загрохотал гром, и на землю обрушился такой ливень, что воинам стало не до сражений — обе стороны поспешили отступить. День в мгновение ока превратился в глухую ночь. Молнии без конца полосовали тучи, а мутные воды Хуанхэ вздымались яростными валами. У всех, кто стоял на берегах, кровь стыла в жилах от этого зрелища. И в самый разгар бури случилось нечто невообразимое... В ревущем потоке показались очертания двух гигантских змеев — настоящих драконов! Глаза их полыхали неземным светом. Сперва они кружили поодаль, но затем сошлись в яростной схватке. Больше часа вода буквально кипела от их борьбы. В конце концов один из ящеров одолел соперника, и побеждённый увлёкся стремительным течением на восток, где вскоре и сгинул. Победитель же сделал ещё несколько кругов, словно торжествуя, а после медленно погрузился в бездну. И почти сразу буря утихла, явив полный штиль.

— Подумайте сами, государь: на дворе глубокая осень, откуда взяться столь яростному шторму? И откуда в реке взялись эти твари? Что предвещает победа одного дракона и изгнание другого? Ваш слуга стоял на берегу как громом поражённый. Я и сейчас вспоминаю это, словно дурной сон.

Ян Тао слушал молча. В его разуме мгновенно сложились воедино два кусочка мозаики: таинственная битва на воде и детская песенка о драконе, ушедшем на восток по течению. Но император не выдал своего волнения ни единым жестом.

— И что было дальше? — сухо осведомился он.

— Пользуясь тем, что гроза и явление драконов приковали к себе всё наше внимание, мятежники втайне навели понтонный мост в двадцати ли выше по течению, — развёл руками Цзин Хуайюй. — К тому моменту, когда генерал Вэй спохватился, передовые отряды врага уже закрепились на нашем берегу. В рядах гвардейцев началось смятение, и нам не осталось ничего другого, кроме как спешно отступить.

Император тяжело вздохнул и после долгого молчания обронил:

— Видно, такова воля Небес. Что сделано, то сделано, пустые разговоры делу не помогут. Мятежное войско уже на подступах к столице. Некоторые советники предлагают Нам временно перенести двор на юг, в земли Цзинсяна, дабы переждать бурю. Что думаешь ты?

— Войска Цзинсяна как раз выдвинулись к столице, — рассудительно начал Цзин Хуайюй. — Если соединиться с ними на полпути и отступить под защиту тамошних крепостей, можно будет подготовить контрнаступление. План вполне рабочий. Однако, по скромному мнению вашего слуги, Цзинсян хоть и крепок, но лежит на перекрестке всех дорог, а потому обречён на бесконечные осады и разорение. Куда разумнее было бы уйти в земли Цзяндуна. Тот край на юго-востоке сказочно богат, отделён от смуты естественной преградой в виде великой Янцзы и может стать надёжным оплотом на долгие годы.

Помощник министра славился красноречием, но сейчас, не понимая до конца намерений императора, предпочёл выразаться обтекаемо, прощупывая почву.

Ян Тао выслушал его, вновь погрузившись в молчание, а затем тихо спросил:

— Неужели и ты, помощник министра Цзин, считаешь, что Нам не отстоять столицу?

Вздрогнув от ледяного тона, Цзин Хуайюй поспешил склониться ещё ниже:

— О нет, государь, ваш слуга вовсе не это имел в виду! Я лишь пекусь о безопасности вашего величества. Предусмотреть запасной путь на случай непредвиденных обстоятельств — долг верного подданного.

Император сухо усмехнулся:

— Благодарю за заботу. Но если Мы без боя сдадим Лоян, то не просто покроем Себя несмываемым позором, но и вряд ли когда-нибудь сможем вернуться на трон предков. Наш четвёртый брат, поднимая мятеж у заставы Фэньюй, во всю глотку орал, будто идёт «очистить окружение государя от скверны». Вот Мы и размышляем последние дни: кого бы из Наших министров принести ему в жертву, чтобы заткнуть эту ненасытную пасть?

Цзин Хуайюй похолодел от ужаса. Он робко поднял взгляд на государя и заставил себя заискивающе улыбнуться:

— Ваше величество, даже если вы казните всю придворную знать, это не умерит аппетитов Чжао-вана. Его поход затеян вовсе не ради «очищения»...

Помощник министра судорожно соображал. Похоже, все его намёки и рассказы про знамения прошли мимо ушей Ян Тао — тот упрямо вознамерился стоять насмерть за стены Лояна.

— Мы не отступим, — отрезал Ян Тао. — Столица будет драться. А если кто-нибудь из советников ещё раз заикнётся об отъезде в Цзинсян, Мы лично свяжем подлеца и отправим Нашему брату Чжао-вану — пускай «очищает» на здоровье. — Император повернулся к собеседнику. — У тебя есть другие донесения?

Бросив взгляд на тускнеющее окно, Цзин Хуайюй понял, что аудиенция окончена. Оставлять его во дворце на ночь никто не собирался, да и сам он, помня о творящемся в собственном доме хаосе, горел желанием поскорее уйти.

— У вашего слуги осталась лишь одна смиренная просьба, — проговорил он. — В тот злополучный день у Нюцзябао, когда нас прижали к реке, мы с генералом Взем потеряли из виду левого заместителя судьи Верховного суда Лин Шу. До меня доходили слухи, что он был ранен, но разузнать о его судьбе мне так и не удалось. Сердце моё не на месте от тревоги.

Скажите, государь, вернулся ли господин Лин в столицу?

При упоминании этого имени лицо Ян Тао мгновенно потемнело. Он процедил сквозь зубы:

— Когда вы бросили его на растерзание врагам, о его жизни вы почему-то не беспокоились. К чему этот фарс теперь? Впрочем, если тебе так интересно, скрывать Нам нечего. Лин Шу действительно сумел добраться до столицы, истекая кровью. Но раны оказались слишком глубокими. Снадобья придворных лекарей не помогли — несколько дней назад он скончался.

Цзин Хуайюй застыл, поражённый этой новостью.

— Скончался?! Но как же так... Почему в городе никто об этом не знает?

— Лин Шу долгие годы служил в Верховном суде, — холодно отозвался император, сощурив глаза. — Его суровый нрав и непреклонность нажили ему немало врагов среди высокопоставленных чиновников. Сейчас, когда на улицах неспокойно, Нам не нужны лишние толки. Мы не желаем, чтобы стервятники тревожили его прах. Забудь об этом разговоре и держи язык за зубами. Ступай.

На красивом, утончённом лице правителя застыло угрюмое, пугающее выражение, а на губах играла едва заметная, зловещая усмешка. Цзин Хуайюй почувствовал, как по спине пробежал мороз. Не смея больше испытывать судьбу, он поспешно поклонился:

— Ваш слуга всё понял. Дозвольте откланяться.

Он покинул дворец. На столицу опустились сумерки. На улицах, ещё недавно бурливших жизнью, теперь царила мёртвая тишина — немногие прохожие торопились укрыться за закрытыми дверями. Слухи о том, что армия Чжао-вана стоит у самых стен, уже разлетелись по городу. И пусть все знали, что Чжао-ван не чинит расправ над мирными жителями, страх перед грядущей осадой сковал Лоян. Былая роскошь угасала, уступая место тягостному безмолвию.

Наспех и без всякого аппетита поужинав в пустой зале, Цзин Хуайюй заперся в своей спальне. О том, чтобы позвать кого-то разделить с ним ложе, теперь не шло и речи. Изнурённый тревогами, он тяжело опустился на кушетку, надеясь хоть на минуту перевести дух. Однако не успел он расслабиться, как дверь бесцеремонно распахнулась. Один из стражников, дежуривших снаружи, по-хозяйски вошёл внутрь, уселся прямо рядом с ним на лохань-кровать и без лишних церемоний пригубил остывающий чай из его пиалы. Убедившись, что лишних ушей поблизости нет, незваный гость негромко спросил:

— Ну что, помощник министра Цзин, как прошла встреча с нашим дражайшим государем? Каковы новости?

Под личиной грубого воина скрывался не кто иной, как Ян Е — Хуайнань-хоу, пробравшийся в

город под видом личного телохранителя. Трое других его сообщников — Чжунли Чжэнь, Нянь Вэй и загримированный Бай Тинби — сейчас несли дозор в коридоре, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

— Ваш покорный слуга доложил его величеству о том, как войска князя Чжао форсировали Хуанхэ, — со вздохом поведал Цзин Хуайюй. — Я во всех красках расписал ему битву двух драконов в бушующих водах и даже процитировал ту песенку, что сочинил мой наставник. Но государь остался безучастен. Он почти не проронил ни слова, так что мне не удалось разгадать его истинные помыслы.

— Чжао-ван не желает проливать кровь в столице, — прищурился Ян Е. — В конце концов, все мы одной династии, из рода Ян. Да и осквернять священные храмы предков войной никому не хочется. Мой царственный брат всегда отличался крайней суеверностью, как же он не внял предзнаменованию с драконами? Неужели он не собирается открыть ворота или хотя бы сбежать, поджав хвост?

— В том-то и дело, что нет, — покачал головой Цзин Хуайюй. — Судя по его настрою, он намерен стоять до последнего.

Ян Е презрительно усмехнулся:

— Драться насмерть? Что ж, тем лучше. Чжао-ван из милосердия и родственных чувств ещё колебался, оставлять ли ему жизнь. Но раз этот упрямец сам ищет смерти... Пока мой старший брат лежит без сознания, я возьму этот город, схвачу императора и скормлю его псам, изрубив на куски. А когда брат очнётся, дело будет сделано — победителей не судят. Так даже проще. Жаль только, зря потратил столько серебра на этих бутафорских драконов. Столичные умельцы содрали с меня целое состояние, а этот дурак даже испугаться не соизволил!

От столь кощунственных речей у Цзин Хуайюя похолодело внутри, но, вспомнив, что его собеседник уже поднял мятеж против престола, он лишь заискивающе улыбнулся:

— Ну что вы, Хуайнань-хоу, как можно говорить «зря»? Слухи уже расползлись по всему Лояну, горожане пребывают в смятении. К тому же, не отвлеки эти драконы внимание гвардейцев во время бури, разве смогло бы войско Чжао-вана столь гладко форсировать реку? Если же вам жаль потраченного серебра, то ваш слуга готов помочь. Моё жалованье за последние годы скопилось немалое, семьи у меня нет, тратить его не на кого. Позвольте мне оплатить эти расходы. Назовите лишь цену!

Лицо Ян Е мгновенно озарилось лукавой, сияющей улыбкой. Он довольно пристукнул ладонью по столику:

— А ты, помощник министра Цзин, действительно понимаешь толк в делах! Что ж, тогда я не стану скромничать. В последнее время брат держал меня в чёрном теле и урезал расходы, так что в карманах у меня гуляет ветер, даже развлечься не на что. Каждая туша обошлась мне в две тысячи ланов серебра — это с учётом работы мастеров и платы искусным пловцам, что

управляли ими под водой. Назови я такую цену, она ведь не покажется тебе завышенной?

Этих искусственных чудищ он заказал через Жэнь Гуаня у искусных мастеров, а затем долго тренировал матросов, чтобы те двигались слаженно. Сам же Жэнь Гуань, превосходно разбиравшийся в капризах погоды, точно рассчитал день, когда разразится буря. Так и родилось это грандиозное представление, заставившее поверить суеверных солдат в знамение свыше.

— Ничуть не дорого! Сущие пустяки за столь блестящий замысел! — угодливо подхватил Цзин Хуайюй.

Он тут же прошёл в глубь спальни, открыл потайной ящичек в резном шкафу и достал оттуда векселя на четыре тысячи ланов, кои с почтительным поклоном вручил молодому человеку. Тот без лишних церемоний спрятал добычу за пазуху и, придвинувшись ближе, заговорщически понизил голос:

— Ну а как насчёт господина Лина? Удалось ли тебе вывести хоть что-нибудь о его судьбе?

Цзин Хуайюй замялся, но скрывать правду не имело смысла:

— Я спросил об этом у государя. Он поведал, что левый заместитель судьи Верховного суда действительно добрался до Лояна, но раны его оказались смертельными. Несколько дней назад Лин Шу скончался. Император был чрезвычайно мрачен и разгневан, посему ваш слуга не осмелился расспрашивать о месте его погребения.

Раздался резкий, сухой треск. Цзин Хуайюй вздрогнул от неожиданности.

Ян Е с такой силой сжал пальцы, что фарфоровая пиала в его руке разлетелась на мелкие осколки. Острые края глубоко вонзились в ладонь, и меж пальцев заструилась алая кровь, но юноша словно не почувствовал боли.

Помощник министра оцепенел от ужаса.

В следующее мгновение мёртвая хватка сомкнулась на его предплечье. Ян Е рванул его к себе, впиваясь безумным взглядом, и хрипло выдохнул:

— Что ты сказал?.. Он мёртв?!

<http://bllate.org/book/19546/1998841>